

Шейх-Мансур

Сейчас этот аэропорт ударными темпами восстанавливают, он уже принимает спецрейсы, а до конца 2007 г., по-видимому, появится и в расписаниях российских авиалиний. В советские годы он назывался «Северный». В годы режима Ельцина—Дудаева—Масхадова его переименовали в аэропорт имени Шейха Мансура¹. Теперь это будет просто аэропорт «Грозный». Имя Шейха Мансура исчезло с карты международных авиаперевозок. Но с карты Северного Кавказа вовсе не стерто. Напротив... Вы поймете это, прочитав материал, попутно узнав, кто же такой Шейх Мансур, и дойдя до «Географических новостей», помещенных после статьи.

В 1785 году на Кавказе появился загадочный человек, известный под именем Шейх-Мансура, положивший зачатки полуполитического, полурелигиозного учения, впоследствии развившегося в то, что называется «мюридизм»² и представляет собой объявление магометанским кавказским миром беспощадной войны христианству и России.

Происхождение Шейх-Мансура неизвестно. Собственно-ручные письма Мансура подписаны прямо: «Projeta Mansur» («Пророк Мансур»).

По зарубежным архивным документам, Шейх-Мансур есть не кто иной, как итальянский авантюрист Джованни Батиста Боэтти, уроженец Монферата³, где отец его был нотариусом. Пятнадцати лет от роду отец отправил его изучать медицину. Но Боэтти, которому наука не пришлась по душе, скоро бежал в Милан и завербовался в солдаты. Достаточно было двух месяцев, чтобы и военная служба опротивела ему: он бежал в Богемию и после странствований явился в Рим, где и поступил в монахи в доминиканский монастырь.

После кратковременного увлечения Савонаролой и его реформатской деятельностью мечты молодого человека сосредоточились на сказочных странах Востока, и через пять лет ему удалось добиться назначения миссионером в Мосул⁴ — древнюю Ниневию. Но прежде чем добраться до места назначения, ему пришлось испытать целый ряд приключений. В первом же попутном городе, в Венеции, он был посажен в тюрьму за излишнюю проповедническую ревность, направленную против девиц легкого поведения. Проповедь окончилась дракой, которую девицы объяснили нежеланием монаха заплатить им деньги. Высланный из города с большим скандалом, Боэтти кое-как добрался до Кипра, где вскоре очутился снова в тюрьме, на

этот раз уже турецкой, куда попал, обмолвившись недобрым словом насчет Магомета. Спасшись и отсюда каким-то чудом, он бежал в Алеппо⁵, где пламенная проповедь опять привлекла к нему много кающихся грешников и особенно грешниц. Его успех у последних не понравился, однако, отцам францисканцам; сделан был донос, и Джованни Боэтти, изгнанный из монастыря, начинает опять бродяжническую жизнь, полную тревоги и опасностей.

Скитаясь по Востоку, он сумел верно определить характер и настроение населения: он понял, что здесь готовы слепо идти за всяким человеком, который сумеет их расшевелить и поднять во имя пророка, и что, приняв на себя роль посланника его, можно рассчитывать стать безграничным повелителем фанатизированной толпы. Умудренный опытом, Боэтти знал, чем он рискует, и потому хотел заранее по мере возможности подготовить успех отчаянно смелого предприятия. Посетив Константинополь⁶, он отправился оттуда в Трапезунд, Арзерум, Карс, Ахалцихе, Ардаган, Поти и Тифлис⁷, тщательно изучая страны и высматривая укрепления городов, заносил их на планы, отмечая пути сообщения, — одним словом, работая над целым планом кампании. Через горные теснины Дагестана он пробрался в Персию, оттуда — в Багдад, где выучил на память весь Коран не хуже самого хорошего муфтия. Но здесь, заподозренный в шпионстве, он был арестован и в оковах отправлен в Константинополь. Сардинский консул выхлопотал ему освобождение; тем не менее турецкая полиция чуяла в нем опасного человека и не выпускала его из виду. Тогда, перерядившись армянином, он бежал через Смирну в Европу. Его план, между тем, составлен был окончательно и бесповоротно. Везде он осматривал арсеналы, пушечно-литейные и оружейные заводы, везде заключал контракты на поставку оружия и боевых снарядов — подготовлял будущую экспедицию.

Между прочим, Боэтти провел около трех месяцев и в Петербурге, где предлагал Потемкину план завоевания Константинополя. Отказ Потемкина вынудил его начать и совершить ряд смелых до безумия предприятий исключительно на свой риск и страх. Нужных материальных средств для экспедиции он добился от богатого негоцианта из Скутари⁸, армянина Табет-Хабиба. Вместе с ним и с тремя европейцами, решивши-

¹ В дудаевском Грозном в честь Шейха Мансура была переименована и площадь Ленина.

² Мюридизм (от арабского *мюрид* — ученик, послушник) — течение в исламе, разновидность суфизма; последователи его полностью подчинялись своим наставникам (муршидам) на пути постижения Бога. Возник во второй половине XIV в. в Бухаре. В конце XVIII в. мюридизм распространился на территории Азербайджана, затем в Дагестане и Чечне, став идеологией антиколониального движения горцев под руководством Шейха Мансура. С началом в 1817 г. кавказской войны главным содержанием мюридизма стала идея «священной войны за веру» (газават). С завершением войны в 1864 г. мюридизм утратил политическую окраску. Попытки возродить мюридизм предпринимались в 1917—1918 гг. имамом Н. Гоцинским и др. (*Энциклопедический словарь «История Отечества...»*)

³ Монферат — Монферрато, географическая область на северо-западе Италии, между Туринем, Миланом и Генуей.

⁴ Мосул — на севере нынешнего Ирака, в Иракском Курдистане.

⁵ Алеппо — Халеб, на северо-западе современной Сирии.

⁶ Стамбул.

⁷ Ахалцихе, Поти, Тифлис (Тбилиси) — эти грузинские города тогда находились под властью Турции.

⁸ Скутари — прежнее название Ускудара, части Стамбула, расположенной на азиатском берегу Турции.

мися разделить его участь, — французом Клеопом Гевено, неаполитанцем Камило Рутиглиано и немецким [евреем] Самуилом Гольденбергом — Бозтти высадился в Трапезунде⁹, и вслед за тем началась поистине сказочная авантюра.

Около 1785 года в курдистанском городе Амадия¹⁰ на праздник Рамадана появился новый «пророк». Одетый весь в белое, с зеленой чалмой на голове, пришелец сразу обратил на себя внимание всего населения города и самого шейха как своей выдающейся, красивой и величественной фигурой, так, в особенности, необыкновенным благочестием и молитвенной экзальтацией. Ранним утром, прежде чем голос муэдзинов раздастся с минаретов мечетей, его уже можно было видеть на площади. Коленопреклоненный на разостланном плаще, незнакомец простирал руки в сторону священной Мекки и громко звал к Аллаху о пощаде заблудших грешников, забывших учение пророка. Толпы народа сходились смотреть на богомольца. Раз проезжавший мимо шейх также остановил коня и обратился к чужестранцу с вопросом:

— Кто ты, что так горячо молишься о прощении грешников?

— Я посланник Магомета, — ответил незнакомец. — Пророк видит, что правоверные отступили от закона, данного им в святой книге. Он послал меня возвестить сынам ислама, что их ждут страшные кары, если они не покаются и не возвратятся на путь истины.

Такие речи на Востоке не редкость: странствующие муллы, хаджи и дервиши сплошь и рядом выкликают на площадях и в мечетях об ослаблении благочестия и возвещают гнев Аллаха; на них обращают там ровно столько же внимания, сколько у нас на юродивых и блаженных, и только в редких случаях, когда авторитет самозванных проповедников становится опасным для духовенства, им рубят головы и сажают на кол.

Новоявленный пророк хорошо знал почву, на которой действовал; он ловко перемешивал догматическое учение с предписаниями практически-житейского характера в духе покладистой мусульманской морали. Он знал также, какие опасности ждут на первых шагах пророков-реформаторов ислама в том случае, когда проповедь не поддержана действительной физической силой. На вопросы, откуда он и кто, он гордо отвечал:

— Никто не знает, кто я, и никто этого не узнает. Тайна останется тайной, и враги будут посрамлены. Но для славы Божьей я буду являться в мир всякий раз, когда нечестие станет опасным правоверию. Кто за мной пойдет, тот будет спасен, а кто не пойдет за мной, против того я обращу оружие, которое пошлет мне пророк. Им я накажу нечестивых и обращу неверных.

Несмотря на красноречие проповедника, успех нового учения на первых порах нельзя было назвать блестящим. Последователей у него оказалось всего девяносто шесть человек. Но пророк не падал духом. Разделив их на четыре отряда, он двинулся с этой армией из Амадии завоевывать мусульманский мир.

⁹ Трапезунд — Трабзон, черноморский порт на северо-востоке Турции, недалеко от юго-западной границы нынешней Грузии.

¹⁰ Амадия, Ахмадие — пункт на востоке Турции, в Турецком Курдистане.

В наши дни такое войско, несомненно, ночевало бы в кутузке, но сто лет тому назад, и притом в Курдистане, дело разыгралось совсем иначе.

В первом же по пути селении пророк собрал жителей, объявил им о своем божественном посланничестве и изложил перед ними догматы нового учения. Признавшие пророка были немедленно зачислены в ряды войска; оказавшиеся неверующими и упорствующими поголовно вырезаны. Тем же упрощенным способом были просвещены светом нового учения жители нескольких селений и городов Курдистана. Способ оказался настолько убедительным, что к укрепленному городку Битлису¹¹ пророк подступил уже во главе армии в несколько тысяч человек. Город имел двадцать тысяч жителей и вздумал защищаться, но был взят приступом. Турецкий гарнизон истреблен, а славный город отдан на разграбление.

Слава пророка и рассказы о том, как он управляется с закоренелыми грешниками, пронеслись по всему Курдистану и нагнали такой ужас на жителей, что города стали сдаваться уже без сопротивления. Один Ахалцихе¹², понадеявшийся на свой пятитысячный гарнизон и сильную артиллерию, встретил его оружием. Но город будто бы взят был штурмом, и на дымящихся развалинах его фанатизированные толпы провозгласили пророка Мансуром, то есть Победоносным.

Полчища завоевателя возрастали; к ним примкнули шайки из гор и ущелий Кавказа. Мансур с сорокатысячной толпой двинулся к Арзеруму¹³ и занял его без боя. Далее источники приписывают Шейх-Мансуру взятие Карса, поражение на берегах Куры грузинской армии и русского отряда и даже взятие Тифлиса.

После этих громких побед, не подтверждаемых, правда, русскими источниками, обещанный Потемкину поход на Константинополь мог уже быть совсем не фантастическим предприятием, Турции могла грозить серьезная опасность. И Мансур писал в одном из своих писем к отцу: «Если угодно Богу, я увижу падение Константинополя, а за ним и падение папского Рима, так как папа римский, константинопольский муфтий и шериф Мекки — одинаковые невежды и обманщики, слепые вожди слепцов. Придет время, и погибнут все Вавилоны». Замечательно, что эти же слова введены были в самый тезис его мусульманского учения.

Какие соображения побудили Мансура оставить в покое Турок и перенести свою завоевательную деятельность к границам России — неизвестно. С большим правдоподобием можно предположить, однако, что решение это было вызвано сообщениями его друзей о том, что Россия, Австрия, Франция и Англия не станут выжидать завоевания им Константинополя, а распорядятся и с ним самим. Горы Кавказа между тем представляли собой менее блистательное, но зато более правдоподобное царство и во всяком случае надежное убежище. Но тут он сталкивается с интересами России.

Русские источники иначе передают и происхождение Шейх-Мансура, и его военную карьеру. Тут мы встречаемся, однако,

¹¹ Битлис — город на востоке Турции, западнее оз. Ван.

¹² Ахалцихе — город на юго-западе современной Грузии, в 20 км от турецкой границы.

¹³ Арзерум, Эрзурум — один из крупнейших городов Турецкого Курдистана.

тоже с двумя толкованиями. Достаточно известный русский мусульманский ученый Казем-бек говорит, что Шейх-Мансур был родом из оренбургских татар и получил духовное образование в одном из важнейших центров мусульманской религиозной учености, в Бухаре, откуда он и занес на Кавказ зачатки нового учения. Собственно же русские военные донесения, основанные, вероятно, на показаниях чеченцев, называют Шейх-Мансура уроженцем чеченского селения Алды¹⁴, где он имел будто бы братьев. Изучив Коран под руководством одного из ученейших мулл Дагестана, он возвратился на родину, где из-за нищеты и бедноты вынужден был пасти скот у своих односельцев. По чеченской легенде, он здесь решился воспользоваться легковерием правоверных. Однажды жители селения Алды узнали, что Мансур видел сон, несомненно доказывающий, что он пророк и избранник Божий.

«Во сне, — говорил Мансур своим братьям, — я видел, что ко мне явились два таинственные всадника и именем Бога велели идти проповедовать народу истины ислама».

Молва об этом чуде быстро разнеслась по аулу и взволновала народ. А между тем Мансур, запершись в своем доме, три дня провел в посте и молитве. Только по истечении этого срока он вышел на крышу своей сакли и тихим голосом стал созывать к себе односельцев. Когда собрался народ, Мансур стал проповедовать. Он говорил об истинах ислама, о том, что истины эти забыты и пограны чеченским народом, указывал на близость кончины мира, на приближающееся царствование Исссы¹⁵...

Его воодушевление и страстная речь, льстившая народным инстинктам, поразили пылких слушателей и сразу привлекли к нему толпу последователей. Народ увидел в бедном пастухе действительного избранника, ниспосланного Богом, и слепо поверил новому учению. Алдинцы первые решились бросить взаимные распри, перестали курить табак, пить бузу и составили вокруг Мансура почетную стражу, которая находилась при нем безотлучно.

Появление пророка скоро стало известным и в соседних аулах. Со всех сторон начали сходить чеченцы, чтобы посмотреть на него. Но он показывался редко, и то не иначе, как под густым покрывалом. Неудовлетворенное любопытство заставляло сильнее работать воображение, и скоро о Мансуре стали рассказывать необычайные вещи, о которых и сам он никогда не думал. Слава его росла далеко за пределы Чечни: о нем говорили уже на Кумыкской равнине¹⁶, в горах и в отдаленнейших недрах Дагестана.

¹⁴ По этому селу чеченские историки называют Шейха Мансура *Алды Ушурмы*. В конце XVIII в. жители села Алды переселились ближе к нынешнему Грозному и основали село Новые Алды (ныне — в Заводском районе Грозного). Об этом поселке много писали правозащитники в 2000 г.: здесь, по их сведениям, была проведена неоправданно жестокая «зачистка».

¹⁵ Исса (Иса) — имя Иисуса Христа у мусульман. Мусульмане почитают Ису пророком, однако в риторике Шейха Мансура «приближение царства Исссы» имело негативный смысл: означало не приход пророка, а приход христианской власти вместо мусульманской.

¹⁶ Кумыкская равнина пролегает дугообразной полосой между реками Терек и Сулак на севере Дагестана в районе Хасавюрта. Здесь проживают кумыки и чеченцы-аккинцы.

Мансур искусно воспользовался настроением умов и, заручившись значительным числом прозелитов, стал проповедовать уже газават — священную войну против неверных. С этих пор его проповедь, теряя мало-помалу религиозный характер, обращается в политическое учение, сделавшееся весьма опасным для русского влияния на Кавказе.

Так изображают судьбу Шейх-Мансура русские источники. Правы ли они, или Шейх-Мансур — итальянский или другой какой-нибудь искатель приключений, сказать наверное невозможно. Можно, однако же, предполагать, что каждый народ и каждый аул Чечни и Дагестана не прочь был назвать себя родной «великого пророка». Одна из подобных легенд могла дойти в ущерб истине до русских властей и закрыть от них собой дальнейшие, внекавказские похождения Шейх-Мансура.

Русские власти, естественно, могли смотреть на Шейх-Мансура преимущественно с точки зрения влияния его на русские пределы. И в этом отношении все известия, сохранившиеся в донесениях войсковых начальников, носят характер несомненной исторической истины. И вся военная деятельность Шейх-Мансура на Кавказе должна быть описываема и оцениваема только по русским источникам. А эти источники говорят о целом ряде тревог и битв, вызванных учением и деятельностью Шейх-Мансура. Одним из страстных и настойчивых стремлений Шейх-Мансура было соединить в одно все горские народы. На то, чтобы помешать этому, и были направлены все усилия русского оружия. Сознывая необходимость подавить зло в самом его зародыше, Потемкин¹⁷ приказал известному своей энергией командиру Астраханского пехотного полка полковнику Пьери быстрым движением в Алды захватить бывшего тогда в этом ауле Мансура. К сожалению, первая попытка в этом направлении была весьма неудачна.

Присоединив к Астраханскому полку батальон кабардинцев, две роты томцев, сотню терских казаков и два орудия, Пьери прибыл с этими силами на Сунжу и, оставив здесь все тяжести, налегке двинулся далее, к Алдам, до которых, как ему говорили, оставалось только около пяти верст. Пройдя дремучими лесами со стороны Калиновской станицы¹⁸, Пьери напал на аул врасплох, но Мансур при первых выстрелах успел бежать из селения. Таким образом, главная цель экспедиции не была достигнута, и только богатые Алды были преданы пламени. Полагая, что разрушением Алдов неприятель достаточно наказан, Пьери начал отступать обратно за Сунжу, но это отступление и было причиной гибели отряда. Как только войска втянулись в лес, лежащий между Алдами и Сунжой, чеченцы напали на отряд и почти весь его уничтожили. Сам Пьери был убит, а командир кабардинского батальона майор Комарский смертельно ранен. С потерей начальников люди расстроились, дрогнули и побежали. Чеченцы преследовали их с необычайной яростью — резали, брали в плен и топили в Сунже. При этом несчастном отступлении отряд потерял оба орудия (впоследствии выкуплен

¹⁷ Потемкин — имеется в виду Павел Сергеевич Потемкин, родственник знаменитого светлейшего князя Григория Потемкина. П.С. Потемкин в эти годы был кавказским генерал-губернатором.

¹⁸ Станица Калиновская — в нынешнем Наурском районе Чечни (северо-запад республики).

ные у чеченцев за сто серебряных рублей), восемь офицеров и более шестисот нижних чинов, не считая раненых. Не лишне прибавить, что в числе немногих уцелевших был унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион, бывший в тот кровавый день ординарцем при Пьери.

На другой день после поражения отряда Пьери на Сунжу прибыл бригадир Апраксин со значительными силами. Наткнувшись случайно на чеченцев, он преследовал их до Алхановой деревни, сжег ее и, возвратившись в Кабарду, написал напыщенное донесение о подвигах своего отряда. Потемкин остался всем этим весьма недоволен. «Если это были жители только одной алханской деревни, — писал он Апраксину, — то о преимуществе, одержанном над ними столь знатными силами, как ваши, можно бы было сказать покороче, а что касается трофеев, то снятый с мертвого патронташ, нечто, похожее на барабан, и знамя могли бы быть обойдены молчанием».

Несчастное поражение Пьери, первое в ряду немногих, выпавших на долю русских войск на Кавказе, имело для края тяжелые последствия. Весть о печальной участи русского отряда мигом разнеслась по горам, и от всех кавказских племен под знамя пророка устремились новые толпы приверженцев. Мансур между тем торжественно объявил, что в скором времени пойдет на Кизляр¹⁹. В июле он действительно атаковал Каргинский редут, находившийся верстах в пяти от Кизляра. Небольшой гарнизон оказал ему, однако, такое отчаянное сопротивление, что чеченцы, несмотря на свое огромное численное превосходство, не могли овладеть укреплением и только зажгли прилегавшие к нему деревянные строения. Распространившийся пожар быстро достиг порохового погреба, и укрепление взлетело на воздух, похоронив под своими развалинами геройских защитников. Шейх-Мансур торжествовал эту новую победу и отправился к Кизляру.

Рассказывают, что два казака, бывшие на охоте, случайно наткнулись на горцев, двигавшихся к переправе, и известили крепость. А горцы между тем, как говорят, изменой были завлечены в топкое болото с трясиными окнами и попали в очень опасное положение. Терские казаки поспели вовремя и, малопомалу обходя болота, поставили хищников под перекрестный огонь. Немногие из последних, растеряв коней, прорубились на свободу и вплавь перебрались за Терек. Сам Шейх-Мансур едва не утонул в болотах. Мрачный и угрюмый, окруженный толпой безмолвных горцев, переправился он за Терек.

Весть о гибели наездников в кизлярских болотах скоро разнеслась по целой Чечне, но Шейх-Мансур не думал отказываться от своего намерения, он только решил сначала усилить свои скопища кабардинцами, давно уже искавшими случая пристать к чеченским хищникам.

С появлением Шейх-Мансура в Кабарде, народ, а за ним и князя почти поголовно стали переходить под его знамя. Скоро силы Шейх-Мансура возросли до весьма значительной цифры, и он решил напасть на Григориополис²⁰, где стоял батальон пехоты под командой храброго подполков-

ника Вреде. Многочисленные полки неприятеля со всех сторон обложили укрепление и открыли по нему сильный ружейный огонь, на который осажденные почти не могли отвечать, так как горцы искусно пользовались для своего укрытия оврагами и камнями. Обстоятельство это заставило Вреде придумать весьма остроумный способ для поражения чеченцев. Рассказывают, что он, желая выманить их на более открытое место, стал выпускать из крепости скот, и в ту минуту как жадные чеченцы кидались за этой добычей, он бил их картечью. Такой маневр удавался довольно долгое время, и тридцать голов скота, выпущенного из крепости в разное время, дорого стоили чеченцам.

Между тем перестрелка длилась до наступления сумерек. Вечером неприятель зажег деревянные постройки, принадлежавшие какому-то полку, и под прикрытием густого дыма стал подходить все ближе и ближе к крепости. Число неприятельских стрелков также увеличилось. Вреде понял опасное положение своего гарнизона и решил поправить дело отчаянной вылазкой. Восемьдесят человек охотников и сто казаков, под прикрытием огня крепостных орудий, с разных сторон выскочили из укреплений и с криком бросились на неприятеля. Нападение было так неожиданно, что чеченцы в страхе бросились бежать, и к утру в окрестностях Григориополиса не было видно ни одного неприятельского всадника.

Поражение Мансура дурно повлияло на умы правоверных горцев, и они начали даже сомневаться в неподложности своего пророка. Видя это и чтобы поправить дело, Мансур поспешил в Чечню, объявляя всем, что идет на Кизляр, который должна постигнуть участь Каргинского редута. Обещание было заманчиво. Богатый город с его хуторами и армянскими лавками, полными товаров, представлял собой привлекательную цель для набега, и горцы на этот раз легко поддались влиянию пророка.

Несмотря на то, что в Кизляре собрано было до трех тысяч войска, весть о намерении горцев всполюшила всех жителей. В их памяти свежи были недавние погромы Кистин, а тут еще новые рассказы о поражении Пьери, о гибели Каргинского редута, о странно-таинственной личности бог весть откуда явившегося чеченского пророка. Очевидно, Шейх-Мансур поразил воображение не одних горцев, а и русских.

Кизлярцы были в унынии. Один из очевидцев той эпохи говорит, что картина была действительно печального свойства: испуганные дети кричали, женщины плакали и, теряя голову, не знали, за что приняться, седые старики сумрачно глядели на семьи и торопливо прятали и убирали пожитки. Многие бежали в астраханские степи. Казаки, с вечера отправленные за Терек, заклинали друг друга стоять за родные станицы и «падать спиной» в Терек, если не одолеют «пастуха-волка», как они называли Мансура.

Ночь прошла, однако же, благополучно. Под утро, когда после всей этой тревоги жители стали уже забываться сном, вдруг тучи пыли поднялись за Терек, и в крепости раздалось роковое: «Идут». Крепость вздрогнула, как от удара грома.

Чтобы ободрить народ, русские и армянские священники ходили по улицам города, пели молебны и кропили христиан

¹⁹ Кизляр — город на севере Дагестана, в дельте Терека.

²⁰ В 1784 году, для обезопасения сообщений с Грузией, между Моздоким и Владикавказом заложены были три редута: Григориопольский, Потемкинский и Камбилейский. — *Прим. автора.*

святой водой. Суэта, шум и тревога были повсюду, и лишь русские солдаты молча стояли в своих рядах.

Был уже полдень, когда чеченцы стали переходить через Терек верстах в пятнадцати ниже Кизляра. По донесению гребенских казаков, стоявших в пикетах, их было не менее десяти-двенадцати тысяч. Отсюда вся масса их двинулась к Кизляру. Но как только она добралась до садов, окружающих город, где были хутора, то, не внимая больше голосу своего предводителя, бросилась грабить. Весь день неприятель опустошал сады и только под вечер двадцатого августа пошел наконец на штурм крепостной ограды, возведенной вокруг форштадта. Пять раз толпы его бросались на приступ и всякий раз были отброшены с огромным для них уроном. Гребенские казаки, оборонявшие вал, покрыли себя в этот день блистательной славой. Значительные потери заставили Мансура отказаться от намерения овладеть Кизляром.

Новая неудача под Кизляром сильно подействовала на общников Мансура, увидевших, что предсказания пророка не сбываются, а напротив, последователи его терпят только одни поражения. Чеченцы первые от него отложились. Шейх-Мансур скрылся в кумыкские селения и стал собирать под свои знамена толпы бездомовников, искателей приключений, вообще людей сомнительного поведения. Между тем восстание в Кабарде, не угасавшее со времени Григориополисской осады, принимало все большие и большие размеры; кабардинцы звали Мансура к себе и делали большие приготовления к торжественной встрече пророка. Они предполагали идти с Мансуром на левый берег Малки²¹ для опустошения линии²² и даже Астрахани. Нетерпеливейшие из его сторонников устремились в начале октября на Наур²³ и на Моздок, но были отражены.

В таком положении были дела, когда Потемкин отправил против Мансура командира Кабардинского пехотного полка полковника Нагеля с отрядом из четырех батальонов пехоты, двух эскадронов астраханских драгун, Моздокского казачьего полка и трех сотен казаков: донских, терских и гребенских. Нагелю категорически приказано было или разбить Мансура, или, по крайней мере, помешать соединению его с кабардинцами.

Противники встретились тридцатого октября невдалеке от Моздока. Обе стороны сражались с одинаковой храбростью и после пятчасового отчаянного рукопашного боя удержали каждый свои позиции. Второго ноября бой возобновился у Тартуба. Это был в то время один из наиболее значительных кабардинских аулов, следы которого теперь заметны только по одному высокому минарету, доньне красующемуся еще в окрестностях Змейской станицы²⁴ на старой Военно-Грузинской дороге. Говорят, что в старину на этом месте был значительный город, и если только это тот самый Тартуб²⁵, близ которого Тамерлан разбил Тохтамыша в 1395 году, то минарет

²¹ Малка — левый приток Терека, начало берет на склоне Эльбруса.

²² Кавказская линия — цепь русских укреплений в предгорьях Кавказа.

²³ Станица Наурская на северо-западе Чечни.

²⁴ Станица Змейская — ныне в Кировском районе Республики Северная Осетия — Алания.

²⁵ Развалины Тартуба — напротив аула Эльхотова на северо-западе Северной Осетии.

и аул — древнейшие памятники и, может быть, немые свидетели важнейшего для России исторического события. У этих развалин второго ноября 1785 года произошел роковой для Мансура тартубский бой. Огромное двадцатитысячное скопище горцев на заре со всех сторон облегло отряд полковника Нагеля. С фронта наступали чеченцы, слева тавлинцы²⁶, а справа шла кабардинская конница под предводительством известного тогда наездника Дола. В то же самое время кумыки, среди которых развевалось большое священное знамя пророка, как туча, шли в тыл, угрожая отрезать отряду отступление. Яростный бой загорелся разом в нескольких пунктах. Выдержав отчаянную атаку тавлинцев, сражавшихся пешком, отряду легко уже было управиться с чеченцами и кабардинцами. Кумыки вступили в дело позднее других, но, двигаясь под прикрытием особых подвижных щитов²⁷, представляли собой грозную стену, против которой было бессильно даже действие артиллерии. Тогда храбрый Нагель встретил наступавших штыками и, отняв щиты, обратил неприятеля и бегство. Сам Шейх-Мансур одним из первых оставил поле сражения.

Таким образом, тартубский бой являлся блистательной отместкой чеченцам за истребление отряда Пъери, и имя полковника Нагеля, тесно связанное со славным делом поражения Шейх-Мансура, принадлежит истории Кабардинского полка²⁸, как имя начальника, в школе которого полк начал свои первые боевые уроки в кавказской войне.

Деморализация в разбитых шайках пророка после этого боя была до того велика, что горцы восстали друг против друга. Лезгины резали чеченцев, чеченцы хватили лезгин и, как рабов, продавали в Турцию. Шейх-Мансур ушел за Кубань и там искал покровительства турецких пашей, занимавших приморские крепости. Здесь ему удалось распространить свое влияние на закубанских черкесов²⁹. Закубанские горцы вовлечены были в общий поток восстаний и на горячую речь проповедника ответили грозным набегом на Моздокскую линию весной 1786 года. Сильная партия их прорвалась тогда до самого Александровского города³⁰, сожгла село Новосельцево, увела в плен до двухсот жителей и угнала девять тысяч голов скота. Вторичная попытка была отражена полковником Муфелем, но когда настали темные осенние ночи, черкесы перешли Кубань, сорвали пост Безопасный, встревожили Донскую крепость. Двухтысячная партия их с турецкой пушкой бросилась ночью на Болдыревский редут на реке Ее, где стояли три донские казачьи полка под командой полковников Бузина, Денисова и Грекова. Что

²⁶ Тавлинцы — скорее всего, балкарцы. *Таулула* — самоназвание балкарцев; означает «горцы».

²⁷ Сколоченные из двух рядов бревен с насыпанной между ними землей, щиты эти имели по два колеса и катились довольно легко и свободно, служа отличным прикрытием от огня артиллерии. — *Прим. автора.*

²⁸ Кабардинский полк прибыл на Кавказскую линию под командой полковника Ладыжинского в 1776 г. и стал в Георгиевске, который сам и построил. — *Прим. автора.*

²⁹ Черкесы здесь — адыгские племена.

³⁰ Александровский город — по-видимому, Александровская крепость, основанная Александром Васильевичем Суворовым при впадении реки Лабы в Кубань. Ныне — город Усть-Лабинск Краснодарского края. Крепость недавно восстановлена усть-лабинцами.

произошло тут, неизвестно; официальные документы говорят только, что казаки были тогда разбиты наголову, полковник Греков и с ним сто пятьдесят донцов взяты в плен и впоследствии перерезаны.

К счастью, дерзкие набеги закубанских горцев на Северную крепость и на отряд подполковника Финка, стоявшего у Темишбека, были отражены с большим для них уроном.

Между тем вскоре началась вторая турецкая война³¹, и смуты, вносимые в Закубанье Шейх-Мансуром, были особенно неудобны. Желая покончить с ним во что бы то ни стало, Потемкин³² осенью 1787 года двинул к вершинам Зеленчука и Урупа три сильные отряда под командой полковника Ребиндера и генерал-майоров Ратиева и Елагина. Елагин отделил от себя два летучих отряда, поручив их известным своей отвагой полковникам Булгакову и Демидовичу, а они, перейдя за Кубань, сражались в течение нескольких дней и положили на месте больше двух тысяч черкесов, сожгли много аулов, отбили громадное количество скота, потеряв сами трех офицеров и до ста пятидесяти нижних чинов. Пока Елагин громил черкесские скопища, Ребиндер первый встретился с Мансуром, стоявшим между Лабой и Урупом. Шестьсот арб, уставленных вокруг, вагенбургом³³, представляли собой достаточно крепкую ограду против открытого штурма. Ребиндер, услышав притом, как горцы запели предсмертную молитву, заключил из этого, что они твердо решили защищаться до последней крайности. Не желая напрасно терять людей, он выдвинул вперед артиллерию. Ядра, картечь и гранаты быстро разметали оплот, и черкесы бежали сами, оставив свой вагенбург и в нем четыреста трупов.

Ребиндер остановился на ночь около Чильхова коша и здесь, на рассвете двадцать первого сентября, внезапно был атакован всеми силами Мансура. Завязалось жаркое дело. Ростовский конно-карабинерный полк, ударивший на закубанцев, был ими смят и опрокинут, астраханские драгуны подоспели на выручку и в свою очередь сбили закубанцев. Когда на пушечные выстрелы подошел сюда генерал-майор Ратиев, дело уже было окончено, и Шейх-Мансур, отступив, остановился в десяти верстах от поля сражения.

На другой день бой возобновился. Но как ни храбро дрались черкесы с Мансуром во главе, Ратиев рассеял их скопища и предал пламени все окрестные селения, в одном из которых сгорел между прочим и дом самого лжепророка. Наша потеря не превышала пятидесяти человек, но в этом числе русские лишились походного казачьего атамана Янова, раненного двумя стрелами в голову.

Та же неудача преследовала Мансура и в следующем году, когда генерал Текелли разбил его на реке Убынь. Здесь под Мансуром была убита лошадь, и он пешком едва успел спастись от неминуемой гибели или плена.

Покинутый горцами, Мансур опять нашел себе убежище в Анапе. Но крепость эта в 1791 году, после кровопролитнейшего штурма, была взята генералом Гудовичем. Защитники Анапы

были истреблены почти поголовно, но в числе немногих пленных находился и Шейх-Мансур, бывший, как говорят, душой всей обороны. В последние минуты боя он заперся в землянке вместе с шестнадцатью своими приверженцами, но землянка была окружена войсками и скоро взята. Пленный Мансур отправлен был в Петербург. Императрица³⁴ пожелала видеть пленника, и его привезли в Царское Село, где тогда находился двор. Там, как рассказывают, его приказали водить около дворцовой колоннады взад и вперед под окнами, из которых на него смотрела Екатерина.

Мансур сослан был в Соловецкий монастырь. Одни говорят, что Мансур умер там в заточении³⁵, другие указывают, что на северо-восточной стороне Соловецкого острова и теперь еще есть следы небольшого, окруженного садом домика, в котором, по словам старожилов, жил какой-то пленный чужеземец, и что этот чужеземец и был Шейх-Мансур. Домик этот теперь обвалился, и время уничтожает его последние остатки. Последнее письмо Мансура, приведенное профессором Оттино, действительно помечено: «Соловецк, пятнадцатое сентября 1798 года», и подписано именем «Джованни Батисты Боэтти, проповедника». В письме этом он просил прощения у своего престарелого отца.

Мансур умер. Но дело его и его мысль не остались без результата, и мюридизм, правда, спустя уже много лет после него, все-таки поднял голову. Он получил широкое развитие, когда во главе движения стал Кази-мулла³⁶, а за ним последовательно явились Гамзат-бек³⁷ и Шамиль — эти последние представители фанатичной секты, стоившей России тридцатилетней борьбы и потоков крови.

По книге: **В. ПОТТО. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях.** Том 1-й. От древнейших времен до Ермолова. — СПб.: Изд. В. Березовский, 1897. Адаптировано и сокращено.

³⁴ Екатерина II.

³⁵ По другим сведениям, Шейх-Мансур умер в Шлиссельбургской крепости.

³⁶ Кази-мулла, или имам Гази-Мухаммад Гимринский (1795, аул Гимры, внутренний Дагестан — 17 октября 1832). Поначалу был муллой в своем ауле, затем стал проповедовать в горных аулах Дагестана и на территории современной Чечни. Мечтал об образовании всемусульманского халифата. Провозгласил себя имамом Кавказа и объявил газават («священную войну») Российской империи. Был одним из самых отважных и предприимчивых горских предводителей, действовавших против России в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. Убит во время штурма русскими войсками аула Гимры. При взятии аула бароном Розеном заперся в башне с пятнадцатью наиболее приближенными, среди которых был будущий имам Шамиль, пытался прорваться с боем, но безуспешно. По легенде, из пятнадцати случайно выжил только Шамиль (*Wikipedia*).

³⁷ Гамзат-бек (1789—1834, Хунзах, Авария), второй имам Дагестана, с 1832 г. преемник Кази-муллы. Сын одного из аварских беков. Получил образование под руководством мусульманских проповедников и стал активным последователем мюридизма. В 1834 г. предпринял поход против аварских ханов, поддерживавших русское правительство и враждебно относившихся к мюридистскому движению. Овладел аулом Хунзах — столицей Аварии, казнил ханшу Пахубике и ее сыновей. В продолжение полутора лет Гамзат-бек вел борьбу против русских. Странники аварских ханов, в том числе Хаджи-Мурат, организовали заговор против Гамзат-бека. Эти события отображены в произведении Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». После смерти Гамзат-бека третьим имамом Дагестана стал Шамиль.

³¹ Вторая турецкая война, вернее, согласно современной историографии, третья — 1787—1791 гг.

³² Все тот же наместник.

³³ Вагенбург — походное укрепление из повозок в форме четырехугольника, круга или полукруга.